

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА
По зелёной жёрдочке

Рассказы

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К 17

Калашникова Надежда Николаевна

По зелёной жёрдочке : Рассказы / Надежда Калашникова ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 36 с. : портр.

©Надежда Калашникова
Фото Сергея Загнухина

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Учится на историческом факультете Кузбасской государственной педагогической академии. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. В 2009 году вышла её первая книжка – сказка «Королевство Сердце». В 2011 году вышла её книжечка «Пушистая сказка».

Про Красную Шапочку: как оно всё было на самом деле

– Ну кончай уже маникюры-то наводить! Солнце скоро закатится, а корова всё недоена! И что ведь за страхолюдство, прости Господи, – как ровно кровью руки измазаны!..

Красная Шапочка поморщилась, но ничего не ответила и аккуратным слоем лака покрыла левый мизинец. Откинулась на стуле и залюбовалась результатом.

– Выкину я всю твою мазильню, – привычно пообещала мать. Но, убедившись, что дочь не проняла, вздохнула и повернулась к печке – с той договориться было проще.

А Шапочка тем временем вскочила и с метеоритной скоростью понеслась в коровник. Метеориты, правда, каблуками не стучат и дверями хлипкими так не хлопают... Взглянув на кучу свежесыпанной штукатурки, мать закрутила.

Сколько раз она ругала себя, что так распустила дочь! И давала страшные клятвы – с завтрашнего дня... нет, с сегодняшнего вечера взять её в ежовые рукавицы. Но чтобы иметь такие варежки, надо пойти и убить как минимум двух, а то и четырёх ни в чём не повинных ёжиков, а этого мать сделать не могла. Ведь бедные ёжики превратились бы в абсолютно бессмысленных жертв: Красная Шапочка обладала просто поразительной способностью выскальзывать из любых тисков без какого-либо ущерба для себя.

«Не иначе в отца пошла, – с горечью думала мать. – Он ведь тот ещё ветрогон был... И шапку он эту оставил – ровно в насмешку, а она вцепилась хуже клеща и по сей день таскает...»

Шапка – а вернее берет с весёленьким помпончиком – всё напоминание об отце Красной Шапочки. Услыхав, что у вечерних прогулочек имеется продолжение, он вспомнил, что у него кончился отпуск. Прямо-таки в этот же день, бываю же такие совпадения. И дела службы самым настойчивым образом призывают его в город. Так боялся опоздать, что даже шапку забыл.

Мать не плакала, не пыталась отравиться или уехать его искать чёт знает где. Она спокойно родила девочку и назвала её Красной Шапочкой. А когда та подросла и начала вопросы задавать, как ни странно, получила ответ. На следующий день она залезла в комод – и с тех пор носила шапку зимой и летом, объясняя это тем, что раз у неё такое имя, надо ж его подкреплять и оправдывать.

А мать, глядя, как подпрыгивает красный помпончик на светлых локонах, отвергала все предложения выйти замуж, пожить в одной хате или прогуляться по лесу, пособирать грибочков. Сперва отвергала, а потом они как-то сами собой перестали поступать.

Вот так они и жили вдвоём, не бедствовали, а всё же заметно было, что мужика в доме нет. Известно, деревня: забор подправить, кровлю перекрыть, половицы сменить, чтоб не скрипели... Да мало ли чего. Дров тех же нарубить. Соседа, что ли, звать? Дак ему бутылку ставить надо, чего доброго, ещё и распивать пособлять... «Ну их всех к бесу», – думала мать и, поплевав на ладони, сама отправлялась за дровами на жиденской лошадёнке. А дом понемножку хирел и уже начинал заваливаться куда-то набок. Ну да не в стенах счастье, как известно.

А Шапочке так вообще наплевать было, что в доме творится. Со всякой там уборкой-прополкой она справлялась одной левой, а потом убегала. Ни одна гулянка без неё не обходилась. Но на закате девочка обязательно возвращалась домой, чтоб не беспокоить мать. Мило болтала, с диким аппетитом ужинала и делала вид, что укладывается спать. А дождавшись, когда мать заснет – упахавшись за день, та моментально отрубалась, – Шапочка выскальзывала из хаты, умудряясь не наступить ни на одну из скрипучих предательниц-половиц, и гулянка продолжалась.

Зато утром девочку надо было поднимать домкратом. Мать уже привыкла к этому и не будила её. Шапочка открывала глаза с четвертыми, если не с десятками петухами, подымалась с кровати и навёрстывала проспанные полдня с такой бешеной скоростью, что поводов для придинок совсем не оставалось. Кроме одного, вечного и неизменного, – внешности.

***

Идёт себе по лесной тропинке девочка. Белая кофточка, юбочка средней (очень такой средней) короткости, босоножки плетёные ножки до самых колен обвили... Лес кругом такой приветливый, солнцем щедро залитый. Помпончик на шапке так и прыгает туда-сюда в такт шагам хозяйки, потому как она тоже припрыгивает и пританцовывает. И даже, кажется, что-то напевает себе под нос.

Придорожные кусты зашевелились, хотя лёгкий ветерок давно успел улечься и даже прикорнуть. Как оказалось, ветер здесь был совершенно ни при чём. На тропинку вышел Волк. Он показался Красной Шапочке просто огромным зверюгой. Может быть потому, что волков она видала только в книжке на картинках. А ещё у Волка на шее был повязан большой малиновый бант.

Волк окинул девочку оценивающим взглядом, облизнулся и спросил:

– Куда, красавица, направляемся в полном одиночестве?

Красная Шапочка остановилась:

– А не мешало бы поздороваться и представиться, прежде чем

вопросы задавать. Если так интересно, то иду я к бабушке, жратву ей несусу. И у меня, между прочим, времени мало.

– Вай, вай, какая неласковая! – Волк даже прищёлкнул языком от огорчения. – Как же тебя одну-то отпустили, не побоялись? Лес-то – он страшный... не гляди, что такой солнечный – опасно в нём. Личности бродят всякие... нехорошие...

– Вот кроме твоей поганой морды я нехорошего здесь ещё никого и ничего не встречала! – и впрямь рассердилась Шапочка. – Дай пройти.

– Пройти-то я дам, – усмехнулся Волк. – Но попозже.

Он внезапно прыгнул на девочку и сбил её с ног. Да нет, не стал он перегрызать ей горло – делать ему, что ли, нечего. На языке уголовного кодекса Волку пришили бы изнасилование малолетних и отправили лет на десять лес валить. Но дальше фронта, известно, не пошлют – он и без того был лесным жителем и внаглую решил этим воспользоваться.

Наконец Волк поднялся, отряхнулся и уже хотел по-быстрому сматывать удочки, как вдруг услышал тихий голос:

– Послушай... Мне понравилось...

Тот ошалело воззрился на Шапочку. Она лежала и смотрела на него огромными синими глазами. Он только сейчас разглядел, что она такая синеглазая. И не было в этих глазах ни страха, ни боли, ни унижения, а одно только любопытство. И живой интерес к его скромной (да уж! скромнее некуда) персоне.

Волк смутился и попятился обратно к кустам. Остановился и начал переступать с лапы на лапу, явно не зная, что делать в такой идиотской ситуации.

Красная Шапочка тем временем села, поправила выбившиеся пряди волос, чуток одёрнула юбку и сказала:

– Мне много раз говорили, что секс – не повод для знакомства, но сегодня я хочу плюнуть на эту фразу. Меня зовут Красная Шапочка, – и протянула ему руку. – А тебя?

Серый разбойник ещё немного потоптался на месте, затем осторожно подцепил девчоночью ладонь своей лапицей и пожал её.

– А я – Волк, – прогудел он. – Просто Волк, – и откашлялся для важности. – Очень приятно познакомиться.

– Мне тоже было приятно. Правда, я ничего не успела понять, ты такой быстрый, прямо не волк, а кролик, – засмеялась девчонка. Она уже вскочила и теперь со всех сторон оглаживала волчью шубу. – Но ты мне понравился, у тебя шерсть такая мягкая. И вообще ты милый.

С этими словами она чмокнула вконец обалдевшего Волка в нос. На чёрной носопыре остался отпечаток красной помады.

– Слушай, может, я тебя... это... провожу, – пришла в волчью голову какая-то идея. – Ты вроде к бабушке собиралась.

– Избавиться поскорей хочешь? Не мечтай, не выйдет. А к бабушке мне и впрямь пора.

Красная Шапочка подхватила корзинку, но, подумав, всучила её Волку. Вот так они и пошли вместе по тропиночке.

Волк наконец вышел из ступора и начал поддерживать непринуждённую беседу. Рассказал он Красной Шапочке, что не обычный он волк, а волк-одиночка. Со стаей не знается, сам по себе живёт и промышляет. Не потрафила чем-то стая – взял да и убежал. Вроде с вожаком чего-то не поделили, не иначе самую зелёноглазую волчицу. У волков ведь с этим просто: не хочешь со всеми жить – вольному воля, иди в одиночки. Таких уважают, побаиваются. С полным на то основанием: одному труднее выжить, многие быстро лапы протягивают. Но если одиночка всё же удержится на плаву, с ним предпочитает не связываться даже хозяин тайги.

Только вот за всё платить надо, за авторитет и силу волка-одиночки тоже. Стая его обратно уже не примет, равно как и волчицу, что с ним сойдётся. Так и будет бродить неприкаянный, а в лунные ночи песни выть – самые тоскливые.

Правда, спутнику Красной Шапочки на все эти высокие и печальные материи было глубоко наплевать. До старости, когда одиночество давить начинает, ему было как пешком до помянутой луны, а лупоглазая юность меж тем успела кончиться. Волк был доволен собой и жизнью и брал от последней, как говорится, всё, что плохо лежало. Слава о его проделках гремела по всему лесу, порой и за пределы выкатывалась.

За разговорами время бежит как породистый рысак, и вот уже за поворотом показалась бабушкина избушка. Нет, без курьих ножек. И даже без деревянного петуха или там конька на крыше. Мрачная такая и неприветливая избушка. Впрочем, Волку это могло и показаться, потому как он загрустил, поджал хвост, а потом спросил разом осипшим голосом:

– Шапочка, ты... это... может, как-нибудь ещё встретимся, а? На том же самом месте...

– Обязательно встретимся! – Красная Шапочка обхватила волчьи уши и немного потрясла их. – На том же самом месте. Скажем, завтра.

– Завтра? Ур-р-ра! – зарычал зверь. Потом подозрительно уставился на девочку. – А не обманешь?

Шапочка в ответ засмеялась, подхватила корзинку и побежала к дому. На пороге обернулась, показала язык, а потом скорчила уморительную рожицу и исчезла за дверью. А Волк свернул с солнечной тропинки и поплёлся в тёмный лес.

***

Теперь надо сказать несколько слов о бабушке.

Лежит себе на кровати старушка – божий одуванчик: охи, ахи, стоны, капризы, причитания, ворчания, угрозы... Ладно, хватит, а то у слушателей завянут уши. Старость, она, как известно, не радость. Но к этой милой старушке куда больше подходила другая пословица: сделал

гадость – сердцу радость.

Не любила бабка людей. Затем и перебралась в лесную глушь, чтоб никого не видеть и не слышать. Всё бы хорошо, да вот незадача: скучно без дела валяться. От скуки бабуся заделалась настоящим авантюристом, прямо героем-разведчиком: по ночам прокрадывалась в деревню и устраивала разные мелкие и крупные пакости. Кому дырку в заборе сделает, кому ворота за здорово живёшь дёгтем измажет, а кому и амбар подпалит. А потом идёт обратно, потирая руки и похихикивая.

Зачем ей это было надо, она толком и сама не знала. Просто удовольствие получала таким манером – и всё.

Сказывалась она больной, да и в самом деле больная была. Постоянно у бабуся правый бок кололо – не иначе как печень пошаливала: ведь говорят, что от злости именно печень сильнее всего страдает. Ещё у бабки была ужасно морщинистая кожа, просто как у Бабы-Яги, так что ей можно было дать лет сто навскидку. А если подумать да приглядеться – то и все двести. На самом же деле это была женщина средней зрелости, ей едва за пятьдесят перевалило.

Старуха терпеть не могла зиму. Ведь зимой приходилось перебираться в деревню и жить семейно. И никакой – только подумайте! – никакой возможности ночью выйти и чего-нибудь сотворить. Потому как сугробы наметало – дверь не откроешь. Красная Шапочка иногда вылезала через дымоход и, утопая в снегу по самые уши, расчищала проход.

Бабка брала реванш, отыгрываясь на домашних. Терроризировала их со страшной силой, секрет которой заключался в не менее страшной слабости. Красная Шапочка тоже не любила зиму: из-за бабки, из-за холода, необходимости лазить по дымоходу, а потом отмываться в семи водах, а пуще того – из-за вынужденного сидения в четырёх стенах.

Но сейчас лето только начиналось, дни стояли солнечные, ночи – тёплые и пахучие, и обе были довольны: и бабушка, и внучка, каждая на свой лад.

***

– Вот мой дом. – Волк галантно пропустил Красную Шапочку вперёд.

Ничего себе «дом»! Да это же натуральная пещера! Маленькая и тёмная, только под потолком прорублено небольшое окошечко. Камни у стены сплошь покрыты шкурками, и всё заячьими. В углу – куча старых обглоданных костей, пол не метён... В общем, типичное жилище холостяка.

Однако Волк тут же развил бурную деятельность по приведению жилища в приличный вид. Выволок откуда-то веник и принялся им размахивать. Поднял пыль столбом и сам же расчихался.

Шапочка рассмеялась – уж больно потешный вид был у чихающего Волка с веником в лапе, которой он пытался утереть чёрный влажный

нос. Лапа тоже была в пыли, так что чихи следовали один за другим, как пулемётная очередь.

– Да давай я сама уберу, – наконец не выдержала она.

– Ни-ни, ни в коем случае! Ты гостя. Я сейчас... – зверь выкатился за порог и сунул бедный нос в траву. Полегчало моментально. Да и надо признать – он больше дурачился, развлекаая девчонку. Но хватит – надо быстрее кончать с уборкой и приступить к развлечению более интересному. На мягких шкурках ей наверняка будет удобнее, чем на голой траве...

– Я, понимаешь, редко здесь бываю, – оправдывался Волк, сметая с потолка наглых пауков вкупе с их творениями. – Где спать захочется, там и заночую. И добычу удобнее разделять на месте...

– Тогда зачем тебе вообще дом? – спросила Красная Шапочка.

– Как зачем? Надо знать, что он есть, что в любой момент сюда можно прийти... что он мой и только мой! – стукнул Волк кулаком по венику. Сперва хотел по стене, но вовремя передумал. – Надо же сзади чувствовать тыл, где спокойно, уютно...

– Уютно! – Шапочка фыркнула. – Завёл бы лучше волчицу какую... Она б тебе и уют навела, и ждала бы каждый раз. А то возвращаешься в холодную и грязную камеру-одиночку.

– Ты не путай Божий дар и яичницу! – Волк рассерженно потряс головой, даже зубы лязгнули. – Я баб терпеть не могу, вся их порода такая – прицепится, так свету белого не взвидишь. Мне такой хомут на шею не надобен. Под кустик прогуляться – это другое дело, это я очень даже уважаю, а чтоб всерьёз связываться... Пусть из моей шкуры охотники решето сделают, ежели я введу бабу в дом! – закончил он с убеждённой фанатикой.

– Но меня же ты ввёл, – склонилась набок головка в красной шапочке. И взгляд – такой ехидный-ехидный...

– Тебя... Ты... – неожиданно растерялся Волк. Прямо-таки замер сталагмитом пещерным. – А ты... а ты не баба, вот. – Выдав сей оригинальный бред, он совсем по-собачьи улёгся у её ног и голову на колени положил впридачу.

– Ну не баба. Женщина. Девушка, девчонка – всё равно я женского рода, – как несмышлёнышу втолковывала ему Красная Шапочка. А руки уже как-то сами начали теревить волчьи уши.

– Всё это чушь заячья! Нет в тебе ничего, что я в женском роде ненавижу. Они все трусливые, порядочные, расчётливые и въедливые до ужаса.

– Как видно, ты много знаешь о женщинах, – усмехнулась Шапочка.

– Да уж довелось!.. – Волчара оскалился, а потом ухватил зубами тонкое запястье и начал осторожно прикусывать. Да ещё горячим дыханием обдаёт, как из печки. А оно такое щекотное...

Девочка засмеялась. Ей нравился Волк именно смешением чувств,

которое он вызывал. Эдакие клыки на тебе смыкаются – ну что ему стоит сомкнуть их до конца? Вон как хищно прищурился, жуть берёт! Мурашки по спине ползти начинают...

Ага, мурашки. Только вот появляются они совсем даже не от жутки, а оттого, что этот лесной зверюга такой нежный... И наглый к тому же: уже не руки – коленки зубами тискает, а лапа ползёт куда-то выше. Лапа большая и тяжёлая, шерсть на ней то жёсткая и свалывшаяся, то неожиданно мягкая. А когти... ой, они такие острые и громадные... но вжаты в чехольчики и потому только щекочут. Ох, ну что же ты творишь, серый разбойник!..

...А на заячьих шкурках и впрямь было удобнее. Получился такой сэндвич: снизу – заячьи шубы, сверху – волчья, а посередине – голая и абсолютно счастливая девчонка.

***

Вечерело. Последние лучи заходящего солнца лениво возлежали на кронах деревьев, подумывая о том, что скоро им придётся покинуть столь гостеприимное место. Мычали загоняемые домой коровы, в речке поплёскивалась рыбёшка, а парни стояли на берегу и курили.

– Что-то не видать нашей супердевички, – сказал один из них, бросив окурок в воду. – Давно не выходила погулять.

– Да-да, – подхватил второй, – ей, похоже, слава голову вскружила. Я её третьего дня встретил: как, мол, что-чего. С лаской к ней – Шапочка-лапочка, а она – некогда, дай пройти.

Парней звали Сеня и Веня. Сеня – тот, что повыше, а Веня – пониже ростом и толстенький, как колобок. Однако именно он слыл главным знатоком по девушкам. Знал, видать, какие струны в них задевать для хорошей музыки. Потому и было ему обидно, что кто-то вдруг ускользнул из цепких лап его обаяния.

– Ба, да вот и она сама, легка на помине, – махнул рукой Сеня.

Красная Шапочка возвращалась домой. Её гнал поистине волчий аппетит, нагулянный за целый день шатаний по лесу. А ещё ей очень хотелось поскорее вернуться обратно. Ночь собиралась быть ясной, и Волк обещал рассказать, как по-лесному называются созвездия. И даже хотел показать какую-то невиданную, обалденно красивую звезду, мол, про неё никто толком не знает, только он... Вот же интриган мохнатый...

О чёрт! Ну вот только этого не хватало!

– Здравствуй, Красная ты наша Шапочка, – сладко пропел Веня, засунув руки в карманы. – Нехорошо друзей забывать. Выходи на бережочек, как солнышко скроется.

– Мы по тебе соскучились, – добавил Сеня, ухмыльнувшись.

Шапочка зевнула во весь рот, даже не прикрыв его.

– Никаких бережочков, – сказала она. – Я спать хочу. Я весь день за грибами ходила, устала в доску, а их уже все повырвали, одни ножки

торчат... Мне теперь пожрать и спа-а-ать...

– А ты пожри и приходи к нам спать, – предложил Сеня. А Веня промурлыкал: – Мы тебе колыбельную споём...

Обнял девчонку и потянулся на носочках поцеловать. Та немедленно тоже встала на носочки. Удивлённый Веня вместо поцелуя получил подбородком в нос, а девчонка тем временем выскользнула, состроила длинный и оттого особенно обидный нос и вприпрыжку убежала домой.

– Чего это она? Сбесилась? – недоумённо спросил Сеня.

Приятель проворчал, ощупывая распухший нос:

– Она всегда была бешеная, не в этом дело... Нечисто тут что-то. При чём тут грибы, какие ножки? Вон, Катюха сегодня полное лукошко тащила... Чего-то Шапочка воду мутит.

Сеня вдруг загорелся идеей:

– Она по-любому нынче выйдет, так? Ночью она не в своей койке – это всем известно, – хохотнул он. – Ну и давай проследим, куда она потащится. Может, хахаль какой особый завёлся. Хотя откуда ему взяться... в нашей деревушке все парни наперечёт...

Упоминание хахалья разозлило Веню, и он сказал:

– Давай.

А Красная Шапочка тем временем запивала холодную картошку простоквашей и беспечно болтала ногами под столом, то и дело поглядывая на большие настенные часы с кукушкой. Часы были серые. Раньше Шапочка ненавидела этот цвет, а теперь он стал... не любимым – особым. Она везде его замечала и могла долго смотреть, вспоминая рычащий голос, зелёные мерцающие глаза, оскаленные клыки – такие страшные и в то же время нежные... Длинный хулиганский хвост... ага, ладно, хватит дурью маяться, надо живей доедать картошку...

Шапочка теперь убегала в лес при первой возможности. И невозможности тоже. Волк обычно приходил на полянку, где они так занятно познакомились, а уж оттуда парочка отправлялась либо по намеченному Волком маршруту, либо так – куда занесут лапы и ноги в плетёных босоножках.

Волк оказался чертовски интересным собеседником. Он с жаром и рыком рассказывал про свой лес, про его обитателей и повадки-привычки, жаловался на «этих сволочей-охотников, которые как устроят облаву – так проклинаешь весь белый свет...» Водил девчонку по тайным и заповедным местечкам, порой настолько страшным, что она ёжилась как от холода и жмурила синие глаза, и тогда Волк клал тяжёлую и тёплую лапу ей на плечи...

Потом они вспоминали, что у них имеется ещё такой орган, как желудок, и зверь топал на большую дорогу (или на совсем незаметные тропочки) караулить добычу. Затем её делили на две очень неравные части, и Шапочка разводила костёр. Пришлось захватывать из дома спички, соль и хлеб.

Ох, до чего же вкусной была ароматная свежезажаренная дичь! Вредный Волк, попробовав кусочек, обозвал гадостью и заявил, что сырое мясо, да ещё со свежей кровью, не в пример вкуснее. С этим уже не согласилась Шапочка. В итоге девчонка садилась боком к огню, волчара подсаживался с другого бока, и оба уплетали порцию по своему вкусу, но с одинаковым хрустом и треском за ушами. Красную Шапочку абсолютно не смущал вид какого-нибудь несчастного окровавленного зайчика.

Совсем перестала Красная Шапочка общаться с деревенским народом. «Здрате–до свидания» – и вся недолга. Лесной серый хищник сманил самую весёлую и заводную девчонку, без которой и песни не так пелись, и хороводы не эдак водились. А Шапочка, пару раз встретившись с Волком, обнаружила, что в деревне ей скучно и что все парни ей надоели. В конце концов, они быстро теряли к ней интерес – до следующей ночи, и не рассказывали столько забавных и захватывающих историй... А ещё они после Волка казались какими-то лысыми. Волку же, наоборот, нравилась её гладкая кожа...

– ...Ну что я тебе говорил, – ткнул локтём Сеня в пухлый Венин бок. Тот было взвыл, но, памятуя о конспирации, зашипел и вернул тычок в удвоенном виде. Теперь зашипел Сеня, но Веня уже отполз в сторону, поднялся и кошачьим шагом двинулся за Красной Шапочкой. И вовремя: красный помпончик подпрыгивал где-то уже у самой кромки леса.

Шапочка спешила. Конечно, ночной воздух, и шуршание трав, и замершая ласковая речная гладь – всё это очень хорошо, но вот как-то в одиночку они не так интересны. Куда веселее на это любоваться, прижавшись к тёплому мохнатому боку...

– Точно хахаля завела, – шёпотом бурчал Сеня, продираясь сквозь густой кустарник, для чего ему приходилось сгибаться в три погибели. – И явно не из нашей деревни – то-то в лесу от чужих глаз хоронятся...

– Я этому ейному хахало... – со злостью сплюнул Веня. – Тоже мне, любовь великая и светлая! Пусть знает своё место, ш-ш-шмара недоделанная...

– Тиш-ше! – шикнул Сеня. – Пришла на место встречи.

Шапочка добралась до их закодированной полянки и огляделась. Волка нигде не было видно. Она тут же надулась. «Я к нему, понимаешь, лечу, едва ноги на этих каблуках не сворачиваю, а он опаздывает, как барышня кисейная!» Хотя ведь часов у зверя нет... Да и у Красной Шапочки их не было. Ориентировались они по светилам небесным да по стуку собственного сердца.

Шапочка с размаху плюхнулась на траву. Со скуки уставилась в звёздное небо. Вон Большая Медведица. Интересно, любит ли она мёд? И из чего он сделан – из космической пыли? А кто тогда пчёлы?... А маленький Медвежонок слушается маму? Тоже, наверное, шалит и своевольничает, а та его шлёпает и ставит в угол... или что у них там есть... И вообще, Большая Медведица, Медвежонок – а где Медведь? Где

ихний папка? Или он тоже, как на земле... Девочка вздохнула, стянула с головы берет и отбросила его в сторону.

И завизжала на весь лес. Так что даже Большая Медведица головой покачала – в ней сразу две звезды замигали. На Шапочку навалилась сверху громадная тень. Укоризненно проворчала:

– Я думал, оглохну. Ты что, не догадалась, что это я?

– Догадаешься тут, когда так внезапно – бац сзади! – сердито ответила девчонка.

– А я вообще внезапный, если ты заметила, – ухмыльнулся Волк и, язгнув зубами, попросил: – Ты лучше бант завяжи, а то он весь перекосялся набок куда-то.

Тонкие проворные пальчики с красными ногтями, в скудном ночном свете ставшие чёрными, принялись бороться с наглухо затянутым морским узлом.

...Когда от тёмных деревьев на опушке отделилась серая тень и заскользила к Шапочке, парни заволновались. Сеня даже заглядывался в поисках подходящего орудия, но ему пришлось заткнуть уши. А когда он их освободил, то услышал нечто вообще несуразное: Волк с девочкой болтали как старые приятели, та его обихаживала, а потом он потащил её куда-то, говоря, что там будет лучший обзор...

«Может, я сплю?» – подумал Сеня и ущипнул себя за руку. Стало больно. Да и ни в каком сне, даже самом кошмарном, не привидятся (не прислышатся?) такие вопли. Он оглянулся на товарища – тот уже осторожно продвигался вперёд и махал рукой: мол, давай за мной. Сеня сделал шаг и наступил на какую-то сухую ветку, дико захрустевшую. Веня резко обернулся и зашептал:

– Идём тихо-тихо, тише мышек! Близо не подходим. Не дай Бог почувет – сожрёт и косточки выплюнет.

– Может, не сожрёт... Он умный, с ней вон базарит... – пробормотал долговязый Сеня. – И вообще, тебе хорошо: ты в любую норку спрячешься, а мне тут гнуться в дугу надо...

– Ну и погнёшься. Авось радикулит не заработаешь, – презрительно бросил Веня.

Приятели с грехом пополам проследили путь интересовавшей их парочки и, когда та наконец остановилась, с облегчением улеглись на пузо за кустами. Сквозь них всё было видно и слышно.

– ...Нет, ну обалдеть! Кассиопея – Кикимора! Это ж надо додуматься! Ты посмотри, какая она красивая! И как протяжно звучит – Ка-сси-о-пе-я-а-а... А тут – Кикимора болотная! Нет, ну вы совсем с ума посходили...

– Я ж тебе говорю, – толковывал Волк. – Кикимора в лесу – второе лицо после лешего. Ей надо почёт и уважение оказывать, иначе она своим болотом весь лес затопить может. Бр-р-р! – зверь затряс головой, как будто его окатили холодной водичкой. – Шапочка, ты не представляешь, какая это пакость – разлившееся болото. Нет уж, языки не отсохнут, пусть

лучше мы эти звёздочки неблагозвучно обзываем, зато и хозяйка болотная на нас не рассердится...

Они сидели на берегу речки на поваленном дереве. Обзор и впрямь был замечательным: огромное небо отражалось в воде, и звёзды были повсюду – и сверху, и снизу. Шапочке казалось, что они не на берегу сидят, а давно уже вылетели в открытый космос... Но тут она что-то вспомнила и вернулась с небес на землю.

– Эй, Волчара, – пихнула она зверя в бок. – Ты мне обещал показать самую красивую звезду. Ну и где она? Не взошла ещё, что ли?

– Ах да, звезда, – оживился Волк. – Почему же, она взошла, но увидеть её можно только в этом озере.

Он наклонился над водой и призывно махнул лапой. Девочка подошла и тоже уставилась в озеро.

– Ну и где?

– Да вот она, – тыкал Волк лапой куда-то очень близко к берегу. Красная Шапочка проследила за его движением, но по воде бежала рыбка от волчьей лапы.

– Да ты нагнись! Пониже. Ещё!

– Но здесь только моё отражение... Ах ты, чёрт зубастый! – она выпрямилась и захохотала. – А я-то думала...

Договорить она не успела, потому что Волк столкнул её в воду. И с удовольствием констатировал:

– Падающая звезда! Ну вот, я загадал желание.

***

– Дядя Ваня, но его надо непременно убить! И чем скорее, тем лучше! Нет, но это же просто хамство: сманил человеческую девку – и как будто так и надо! Вот же серый гад...

– И ладно б кого ещё, а то именно Красную Шапочку, – добавил Сеня.

– А что он тебе – дурак? Небось выбирал самую лучшую, – резко ответил Ваня и, повернувшись к охотникам, продолжал: – Дядь Ваня, дядь Костя, ну неужели обязательно тянуть до осени? У вас же такие ружья крутые... и вы никого не боитесь – ну что, вам трудно его сейчас подстрелить?

– Ты, мальй, не лебези! – сверкнул глазами из-под густых нависших бровей дядя Костя. – И с панталыку нас не сбивай: если сейчас устроить облаву на твоего Волка, весь лес переполошится! А летом зверью полагается спокойненько жир набирать, чтоб нам же потом и досталась хорошая добыча.

– Так что вы, ребята, гуляйте пока до осени, – добродушно заговорил дядя Ваня, пожилой и усатый охотник. – А глядишь, она и сама его бросит: зверь всё ж таки... Это скотоложество уже какое-то, – плюнул он с отвращением и растёр плевком сапогом.

Парни вышли на улицу. Раздосадованный Ваня пнул подвернувшийся

под ногу камушек, отчего тот взлетел на воздух и, описав извилистую дугу, звонко бамкнул о сохнувший на плетне горшок. Горшок разлетелся на художественные черепки для будущих археологов, а приятели дали дёру, пока не вышла хозяйка и не разоралась.

– Август только начался. Это целый месяц ещё ждать, – уныло протянул Сеня. – Похоже, нам Шапочки как своих ушей в этом году не видать...

– А я её, если честно, уже и видеть не хочу, – сказал Веня и прислонился к плетню, на котором, слава Богу, никаких горшков не висело. – Просто хочу восстановить справедливость и порядок. Человек должен жить с людьми! А если он от них уходит куда-то к чертям мохнатым – пусть за это платит и не жалуется. И вообще, – у него загорелись глаза, – давай-ка ей устроим тёплую встречу... Торжественную, с речами и приветствиями – она ж у нас звезда...

– Да не простая, а падающая, – вспомнил Сеня, и оба захохотали.

Тёплую встречу оказалось до смешного легко устроить: событий в деревне случалось мало, и новости, особенно такие пикантные, ловили в оба уха. Когда на следующий день Красная Шапочка, как обычно, пошла за водой, от речей и приветствий не было отбоя:

– Волчья невеста!

– Да какая невеста! Жена законная. Скоро детки пойдут...

– Да вы что – это ж заколдованный царевич! По ночам шкуру сбрасывает, в добра молодца обращается...

– Сам ты царевич! Ей просто зверюги нравятся, извращенка потому что. Эй, Шапочка, у меня здоровенный кавказец есть, хошь, приведу? Тебе понравится!

– Не, она своему лесному чучелу верность блюдёт!..

– Ты полегче, а то она нажалуется – он придёт и тебя съест! Ням-ням!..

Красная Шапочка от растерянности даже ведро выронила, чем, конечно, вызвала новый приступ хохота и улюлюканья. А когда он малость стал потише, подобрала ведро и звонко крикнула:

– Вот что такого вы мне сказали, чего я без вас не знала? Это всё правда: и про невесту, и про деток, и про то, что я извращенка! Ну а если так – то вы все правильные и порядочные, мне с вами скучно! Вы даже дразниться-то не умеете как следует, – и на глазах у всей деревни прошлась колесом. И ещё раз. И ещё. Юбка на ней, конечно, задралась по самое не могу, но девчонку это не слишком заботило. Набрала воды и преспокойненько пошла её относить.

Дразнить её после этого всё же не перестали, хотя и продолжали с куда меньшим пылом. Но главное – до матери долетело, и та не знала, верить или не верить. И на всякий случай устроила скандал. А Шапочка хоть и держала марку независимости и принципа «а мне наплевать», на самом деле ей от всего этого было паршиво и наплевать как-то не

удавалось. И она не придумала ничего лучше, как поговорить со своей бабкой. Мол, она хоть и вредная, а всё ж женщина бывалая, поймёт и посочувствует, ну и всё в таком роде.

Старуха и впрямь оказалась бывалой, и смекалистой к тому же. Услышав, что внучке в деревне житья нет, заохала, запричитала и сказала, что её дом – приют для гонимых и обиженных. «И Волка своего приводи, я посмотрю, только чтоб без шуток!» Бабуся сообразила, что если она Шапочку сейчас поддержит, та ей доверится и выболтает много полезной информации. С которой будет несравненно проще извести этого проклятого Волка.

Здесь надо оговориться: бабушка была, как ни странно, без предрассудков. Её не трогало, что внучка якшается с лесным зверем. Да хоть с чёртом рогатым, лишь бы... Вот тут начинаются сложности.

Бабуля давно заметила, что внучка какая-то... по-особому счастливая. Ведь любовь и кашель не скроешь, как гласит пословица. А старуху р-р-раздражало людское счастье, она его всеми старческими силами разрушить пыталась. И вот открылся такой подходящий случай.

***

Падает с дерева жёлтый лист. Падает медленно, не спеша, можно сказать – с достоинством. А кто это сказал, что у листка чувства собственного достоинства быть не может? Ещё как может. Он ведь ничего плохого не делает, падает себе и всё. С высоты причём, с самой верхушки. Но спокойно осесть на землю ему не удаётся: на лету его ловко ухватывают острые зубы. Довольный Волк относит «добычу» Красной Шапочке.

На листке прокушены две дырочки. Девочка смотрит сквозь них, вертит лист и так и эдак. Потом прикалывает его ёлочной хвоинкой себе на шапку и спрашивает:

– А наш ребёнок ведь будет оборотнем, правда?

Волк скалится во всю пасть – это у него такая улыбка:

– Пр-р-равда. Он будет человеком или волком по своему желанию. Забер-рёт качества обоих р-р-родителей. – И снова рычит от удовольствия.

Шапочка в рассеянности перекатилась набок и подпёрла голову рукой. Уставилась в синее, по-сентябрьски прозрачное небо.

– Знаешь, Волча, я так люблю осень... Вот такую раннюю, когда уже всё такое жёлто-буро-красное, но ещё тепло. Потому что стараешься урвать, уворовать побольше счастья и воли, пока ещё солнце греет! А потом как заладит собачья слякоть, а там и вовсе зима притащится... Бр-р-р! Ненавижу зиму всеми потрохами.

– За что такая немилость? – удивился Волк. – Это мы всем лесом её дружно ненавидим, а людям-то что? Вы печки топите, едите от пуза урожай свой, и в огороде работать не надо...

– Ага! Тишь, гладь и Божья благодать! – перебила девчонка. – А если я тишь не перевариваю? Если мне больше нравится вкалывать в три руки, а потом шашни до зари крутить? На чёрта лысого мне эта зима, когда я как в клетке – сугробы наметёт, не выйдешь... Да и выйти некуда. И бабка ещё к нам перебирается, это вообще кошмар...

– Хорошая у тебя бабушка, – возразил серый. – Вежливая. И с пониманием: меня не выгоняла и не кричала...

Шапочка огрызнулась:

– Это по принципу «скажи спасибо, что из дома не гонят»? Дурацкий принцип, им всякую гадость можно прикрыть и ходить спокойно!

Она вскочила. Голова внезапно закружилась, пришлось прислониться к дереву. Волк наблюдал за ней с опаской.

Она заговорила – непривычно медленно и страстно:

– Как хорошо здесь! Ты только посмотри, какое прозрачное небо... какая тонкая паутинка... какой воздух хрустящий... Ах, как бы я хотела всё это сохранить, удержать... Всё такое огромное... как сама жизнь. У меня рук не хватает её обнять... а так хочется! Я ужасно её люблю. И тебя тоже люблю, очень-очень.

Обняла волчару за шею и поцеловала – как всегда в нос, но непривычно долго. Как будто выпить его хотела – до дна. Ни капли не оставив.

Вздохнула:

– Ну ладно, пойду. Помидоры с мамкой солить будем – уродились в этот год...

– Ночью-то придёшь? – спросил серый разбойник.

– А как же! – хитрюще улыбнулась Красная Шапочка. – Жди.

И ушла. А ночью Волк напрасно её прождал: соленьями занимались до глубокой полуночи, и Шапочка сама не заметила, как отрубилась. За завтраком мать сказала:

– Мы давно у бабушки не были. Сходи, попроведай, да пирогов вот ей отнеси. Ещё тёплые...

Красная Шапочка и пошла по лесной тропинке. Светило её любимое прощальное солнышко, но на него почему-то совсем не хотелось любоваться. Девочка ускорила шаг, сама не зная почему.

А к бабушке в избушку утром зашли два охотника. Те самые дядя Ваня с дядей Костей, которых просили Волка-то подстрелить. Для наведения справедливости и порядку. Они уж, почитай, и забыли про это, да бабуся им напомнила. Состроила несчастную мину и принялась жаловаться: зачаровал, дескать, такой-рассякой лесной гад мою внучку, сладу с ней никакого нет, а сам-то момента хорошего выжидает, чтобы съесть! Для того и в доверие втёрся. Охотники и вспомнили, и ругать начали на чём свет стоит и Шапочку, и Волка.

Тут дверь открывается, и заходит Волк собственной персоной. Он проверить решил, не зашла ли Красная Шапочка к бабушке. Заодно и

старуху навестить – он к ней тепло относился. Как охотников увидел – попятился было, но бабуся тут как тут: мигом дверь захлопнула и засов задвинула. И кричит охотникам:

– Это он! Стреляйте его живее, он и меня съест хотел! Видите – притащился к одинокой старухе внаглую!

– Да что вы, Клавдия Ивановна... – изумлённо начал Волк, но курки были уже на взводе, и оба выстрела грянули почти одновременно.

Зазвенела на полке посуда, тревожно звякнули окна – громадная волчья туша свалилась на пол.

– Ах ты, чёрт, – проговорил дядя Ваня, садясь на корточки над распростёртым зверем, – шкуру испортили...

– Да, как-то всё так неожиданно... – начал было дядя Костя, но его прервал стук в дверь. Дробный, частый, требовательный.

Дядя Костя пожал плечами и пошёл открывать.

– А... а... – корзинка выпала из рук Красной Шапочки, пироги покатались по полу. Ещё тёплые, румяные, пышные пироги. Она наступила на один из них каблуком и не заметила.

– Волк! Волчара, Волча, Волчишка... Очнись, это я! Слышишь, ну быстро вставай! – Она потрянула его – раз, другой... В руки ударила гулкая тяжесть мёртвого тела.

Довольная бабка хихикнула со своей лежанки:

– Потряси, потряси. Может, сделает одолжение, встанет. А может, ещё за живой водичкой сгоняешь, а, Красная Шапочка? Хочешь, адресочек дам?

Шапочку как будто молотком долбанули по голове. И даже красная шапочка не смягчила удар.

– Ты же говорила, что он такой милый... Он так о тебе отзывался хорошо... А ты... вы... вы что вообще наделали, сволочи?!

Дядя Ваня успокаивающе взял её за руку:

– Красная Шапочка, ну зачем ругаться-то? Ты теперь свободна, это в тебе остатки чар говорят, ну да скоро и они развеются. Будешь ты снова жить-поживать как все добрые люди.

Жить... Девчонка ухватилась за это слово: она будет жить... А как же Волк? Неужели ей никогда-никогда больше не слышать его рыка, не бродить вместе по лесу – вообще больше не встретиться с ним? И опять уйти к «добрым» людям, которым она нужна была как красивая кукла, а стоило ей и впрямь стать счастливой – так сразу вроде костяшки в горле... А теперь эти добрые кокнули Волчишку – и рады. А ей-то что остается? Ребёнка родить? Оборотня... Чтоб его травили всей деревней, а потом тоже убили? А жить он будет – без отца, как она? И она сама – как мать, одиночкой, соломенной вдовой... Уже настоящей... Нет! Ни за что!

– Нет! Нет! Не хочу! Не хочу как мать... не хочу, чтоб он как я рос... – девчонка закрыла лицо руками.

– Послушай, Красная Шапочка... – начал было дядя Ваня.

– Слушать ничего не хочу! – выпалила та. Увидела на столе охотничий нож – им хлеб к завтраку резали. Метнулась, схватила его и, выдохнув: «Будьте вы все прокляты!» – воткнула в глотку. Свою, разумеется. В чужие она не умела.

***

Новость разлетелась со скоростью испуганного воробья. К бабушкиному дому сбежалась добрая половина деревни. Любопытные заглядывали в приоткрытую дверь, толпились у немытых окон и переговаривались между собой.

– Такая молодая!.. Такая красивая!..

– Мать жалко. Она ж у нее одна-единственная, как в поле рябинушка...

– Это все этот мерзкий зверь...

– Ага, мерзкий, она из-за него зарезалась...

– Да дура потому что! Нашла с кем связаться. Говорил я: добром это не кончится.

– Ты насчет дуры полегче! Про мертвых...

– Ох, и наедемся блинов на поминках!

В доме прогрехали сапоги. На крыльцо вышел дядя Ваня и услышал последнюю фразу.

– Какие блины?! – грохнул он кулаком по хлипкому косяку. – Какие блины, я спрашиваю?! Кто их готовить будет? Мать, что ли, ейная? Да она бьется, как припадочная, того гляди ума решится!

Он разглядел сиротливо жавшихся в сторонке Сеню и Веню и шагнул к ним.

– Вы что, стервецы, наговорили? «Увел насильно», «смотреть противно»... А вы, поганые ваши хари, хорошо смотрели? Али не видели, что она добровольно с ним спелась? Так что на тот свет следом отправилась. Или вам того и надо было? – Он схватил обоих парней за грудки. Веня только хлопал круглыми от ужаса глазами, а Сеня жалобно блеял:

– Да нет, что вы... мы не хотели... мы только...

– Да брось ты их, Иван, – дядя Костя тоже вышел на крыльцо. – Тут старуха еще масла в огонь подлила: чары, чары... Карга проклятая...

Дядя Ваня разжал руки – парни тут же благоразумно смылись – и проговорил, глядя на напарника:

– Мы же с тобой, получается, девчонку-то прикончили... Кабы не стрельнули, она б...

Тот взъелся:

– Ах, мы с тобой? Если бы да кабы? А вот они все, – он махнул рукой на притихший народ, – не при чем, да? А ты не слыхивал, как её каждый божий день дразнили да попрекали серой шкурой? А...

...Бабка потеряно сидела на кровати, подобрав под себя ноги, и

качала головой, бормоча под нос: «Но я же не хотела, чтоб до смерти... Я же так, пугануть хотела... ну поиздеваться малость, самую чуточку... а оно вона как вышло...» Переводила взгляд с внучки на дочь и обратно. Внучка изломанной веткой лежала на Волке, кровь на ней уже почернела и абсолютно не гармонировала с красной шапкой. А дочь, кажись, снова грохнулась в обморок: вон, из дома выносят, чтоб ветерком пообдуло...

А в это время в деревне объявился неизвестный гражданин, весь какой-то помятый. Он только что сошел с редко ходящей в этой глухомани электрички. И удивился, чего это кругом переполох стоит – мол, когда он тут бывал по молодости, было куда спокойнее.

– Что? Волка убили? Ну так и хорошо – он овечек ваших таскать не будет... А девчонка-то причём? Кого зарезали? Да что вы все галдите – я ни черта не разберу!.. Вот это ничего себе любовь...

Гражданин вызвался пойти посмотреть. Тут же нашлось с десяток провожатых, трещавших без умолку и дополнявших дело все новыми и новыми подробностями, так что бедный приезжий не знал, чему и верить. Кое-как добрались до зловещей избушки. А тут как раз приводили в чувство мать Красной Шапочки. Гражданин спросил, нахмурившись:

– Это она?

– Нет, нет, она в доме, это мать... – наперебой начали ему возражать и тянуть в дом. Но он сердито отмахнулся и наклонился над женщиной. Проговорил разом осипшим голосом:

– Маша... – Откашлялся. – Мария!

Та с трудом разлепила веки – и вздрогнула. На нее смотрели глаза дочери. Такие же синие и пронзительные, только почему-то тревожные. Красной Шапочке это чувство было абсолютно незнакомо.

– Шапочка, что случилось? – слабым голосом спросила мать. Перевела взгляд с глаз на лицо и охнула: незнакомый мужик, плохо выбритый, рубаха мягкая, под левым глазом (как только сразу не заметила?) желтизна от незажившего фингала... Незнакомый?

– Андрей, – выдохнула мать. Попыталась подняться. Мужик помог. – Андрей, ты откуда взялся? Очень вовремя, кстати. Отпуск, что ли, получил? Первый раз за семнадцать лет?

– Да я... того... В общем, от бузы всякой отдохнуть, здоровье подправить... а то оно у меня ни к чёрту... У вас тут вообще что творится? Какая-то ахинея про Волка, про Красную Шапочку какую-то... Разве так детей называют?

Мать отстранила руку, поддерживавшую её. Выпрямилась.

– Здоровье, значит. На курорт приехал... – Она развернулась и отчеканила: – Вон там лежит твоя дочь. Мёртвая. Я назвала её Красной Шапочкой, потому что шапка – это всё, что ты мне оставил, кроме ребенка.

– Что... как... моя дочь... – забормотал Андрей. Он влетел в избушку и уставился на живописную картину, представшую перед глазами.

Наклонился и снял с белокурой головы красную шапку. Повертел в руках. Точно, его шапка. И помпончик тот же, весёленький, пушистый.

Медленно, как во сне, он вышел на крыльцо и уселся прямо на порог, обхватив голову руками. А потом сросил – тихо-тихо, но так, что все услышали:

– Что же мне теперь делать?

И все молчали, никто не знал, что ответить. Только Мария опять слабо качнулась и бессильно склонила голову набок.

– Ну иди, приводи в чувство, – проворчал дядя Ваня. – И вообще – хоронить надо, что мы тут стоим, как сороки-бездельницы... Положим их рядышком, раз такое дело...

Андрей с трудом поднялся и, пошатываясь, направился к Маше. А выпавшая из его рук красная шапка так и осталась валяться на крыльце.

В зоопарке

Передо мной решётка. Железные прутья, переплетённые между собой. Сбоку – дверца, на ней висячий замок. Его дважды в сутки открывает смотритель и заносит еду, иногда трепет меня по заправку и приговаривает: «Ну и молодец, ну и умница...» – и уходит. Он ничего, смотритель, хороший. Не дерётся. Выпить, правда, любит, песни тогда горланит во всю глотку. Но это так, ерунда. К слову пришлось.

Это мой дом – клетка. Четыре шага налево, четыре шага направо. Дальше стена. За стеной тоже клетки. Мне не тесно. Я не очень большой. И не очень взрослый. Скоро я подрасту, и меня переведут с площадки молодняка во взрослый отсек. В другую клетку. Не беда – тесно и там не будет, я не крупный.

Я родился в неволе. Моя мать родилась и выросла в ней. Отца поймали слепым детёнышем, по сути, он тоже здесь всю жизнь прожил. А я вообще здесь впервые глаза открыл, неуклюже учился ходить, затем лазил по брошенной колоде, кувыркался по насыпанному песку... Это мой дом. Моя родина.

А потом я подходил к решётке вплотную, вставал на задние лапы и смотрел на людей, больших и маленьких. Они тоже смотрели на меня, некоторые показывали пальцем, другие бросали вкусности, я их ловил и съедал. Потом надоело, перестал, и смотритель запретил меня угощать. Но люди всё равно старались мне что-нибудь всучить, а ещё называли разными ласковыми словами и переговаривались друг с другом: «Смотри, какие умные глаза... Всё понимает... Какая, наверное, мягкая шерстка! Ого, а лапища-то... Такой как двинет...» Это было приятно слышать.

И вот так я жил, помаленьку рос, ночью спал, днем ел и смотрел на

людей, а они на меня. И скажу честно: мне было хорошо. Пока на меня не свалилось оно.

Я так и не понял, откуда это взялось и когда именно навалилось. Вообще ничего не успел понять: всё смешалось, перепуталось, переплелось в один большой ком и рухнуло мне на голову. Наверное, я потерял сознание. А когда очнулся...

Я в спомнил. Что я зверь. Что у меня четыре лапы и хвост, острые глаза и чуткий нюх. Что я могу развить огромную скорость. Вспомнил, как я лежу в засаде, выслеживаю добычу, а потом срываюсь и мчусь за ней, лишь свистит в ушах ветер. Мои лапы едва касаются земли, редкие деревья саванны мелькают, схваченные боковым зрением, а небо огромное, белое и раскаленное. Белое небо моей родины.

Ро... Какой родины? Что за чушь, бред, галиматья?! Моя родина – четыре стены, подстилка и миска! Я никогда не видел белого неба! Здесь оно синее или серое... Я никогда не гнал добычу с бешенством азарта, не настигал её и не вонзал клыков в трепещущее тело. А ноздри сами собой раздуваются и вдыхают запах страха, отчаяния и смерти. Запах свежей крови... Во рту становится солоно.

Я сплевываю и в ярости кидаюсь на решетку. Это что же, я схожу с ума?! Мерещится то, чего со мной никогда не было, да так ярко и выпукло? Я хлещу себя хвостом по бокам, а потом принимаюсь выть. Вою, наверное, долго, потому что появляется испуганный смотритель и с ним директор зоопарка. Меня осматривают, ощупывают, пытаются погладить, затем покормить. Всё безрезультатно. Потом откуда-то выскакивает маленький вёрткий человечек с чемоданчиком, ставит мне укол – и я моментом засыпаю. Проваливаюсь куда-то.

А ночью просыпаюсь. Кругом темно, лишь где-то на углу качается тусклый фонарь. И я снова вспоминаю: ночь, затопившая саванну... крупнющие звезды причудливых созвездий... влажная от росы трава под лапами... ночные запахи, шорохи... Кто-то ходит и сопит, чавкает... Тело подбирается для прыжка, мышцы напрягаются, хвост дёргается от напряжения... Толчок! Прыжок! Я со всего маху врезаюсь в решётку и с грохотом обрушиваюсь на пол. Тело болит от падения, но я нарочно долблюсь о железные прутья. Пусть будет больно. Пусть будет много боли, только не это дурацкое наваждение.

С этого дня начинается пытка. Глюки (а как еще назвать?) приходят в любое время дня и ночи. Я забываю, что всё это ненастоящее. Забывает моё тело – в нем оживают все инстинкты, расправляется каждая клеточка, каждая жилка. Забывает душа – я хохочу от счастья, морщусь от неудачи, кувыркаюсь от беспричинной радости – просто оттого, что светит солнце, бурлит речной поток, а по берегу прохаживается моя стая. А разум... Какой разум у зверя? Говорят, у нас и души-то нет... Может, я не зверь? Выродок?

Нет, разум у меня всё-таки есть. Я понимаю, что, окажись я и впрямь на свободе – загнусь через пару дней. Там учатся выживать с самого рождения, а я не прошёл этой школы. Солнце будет жечь меня, добыча ускользнет из-под носа, стая не примет к себе. Ни одна свободная самка не дастся мне. Мне нечего будет передать своим детям.

Я чужой на свободе. И она мне чужая и враждебная. Моя родина здесь – четыре шага налево, четыре шага направо. Я не в обиде на судьбу, на людей, что так сложилось. Кого проклинать? Собственных родителей, что они взяли меня сотворили? Они не виноваты в этом.

Меня только одно интересует: кто, какой дьявол насылает на меня эту ерунду? Клыки чешутся перегрызть гаду горло. Потому что... потому что я люблю свободу. А её нет, и она меня любить не может и никогда не будет.

...Я бы даже горло не стал перегрызать. Просто спросил бы: зачем? Что кому это дает? Здесь полный зоопарк. Вся малышня с площадки молодняка родилась в неволе. И ни у кого нет такой дикости. Они спокойно живут себе, растут, балуются, огорчаются. Да, бывает – подойдут к решётке на задних лапах и затоскуют. Но это мимолетно. Они там не были. Они не знают. Не помнят. И не чувствуют. И потому им не больно.

Я понимаю, когда зверя ловят и сажают в клетку. У него вся жизнь переворачивается, он тоскует, мечется, чахнет, может вообще помереть. Но это понятно! Он был на воле – он д е й с т в и т е л ь н о там был. Ему есть о чём тосковать и за что умирать! А мне – за что? За призрак, дымку, чад? Галлюцинацию больного воображения?

Память... Наследство... Да на кой она здесь нужна, эта память! Я другой. И жить мне по-другому. Мне н а д о жить по-другому, чтобы выжить. В клетке тоже приходится выживать. А эта память мешает, тащит меня назад, в прошлое, в небывшее, в небытие... В другое – чужое здесь и ненужное. А мне чуждость кажется родиной, а ненужное – чем-то ужасно важным и таким, без чего прожить невозможно...

Может, я и впрямь сошел с ума? Или болен? Но от этой болезни нет лекарства. А покончить со всем разом... Я пробовал голодать. Не выдержал и снова начал есть. Силы воли не хватило. И – да, умирать страшно.

А ещё... Как ни смешно звучит, я не хочу умирать. Я так молод, так мало видел в жизни! У меня даже самки ещё ни разу не было. Я хочу – жить... Наперекор клетке, свободе, этим идиотским глюкам и мерзкому положению, в которое они меня ставят. И самому себе, да. Я хочу жить. Только ещё больше я хочу понять – для чего. Зачем это всё. Почему именно со мной. И что же отсюда следует.

Только вот кому задавать эти вопросы?

Жалоба волков

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве – слепые щенки,
Мы, волчата, – сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!
В. Высоцкий. «Охота на волков»

Она большая, мохнатая, затравленная. Мы пьём её молоко – и чувствуем, как в нас вливается страх. Бессознательный, безотчётный. Безосновательный, быть может. Но нам не дано это понять. Страх проник в нашу кровь и лимфу, стал плотью, стал частью нас, стал нами. Его нельзя из нас вырвать, убрать – потому что тогда мы умрем. Мы привыкли к нему, срослись с ним, мы не можем без него.

Запрет для нас – это святое. Кто его нарушает – святотатец. Нельзя – и всё. Нам этого достаточно. Почему, кто придумал, разумно ли, честно ли, нужно ли – такие мысли не приходят нам в головы. Они просто не могут прийти. Исключено. Если страх – наш бог, то запрет – его наместник на земле. Наш кумир. Мы поклоняемся ему, пляшем вокруг с криком и воплями, как некогда язычники, и приносим ему жертвы: себя, свои возможности, детей, любовь, счастье... Жизнь наша остается у нас, наша серая тухлая жизнь. Жизнёнка. Зачем нас убивать? Ведь тогда неоткуда будет взять рабов...

Прошло то время, когда на нас устраивали облавы, и егеря смеялись, глядя, как тяжело ходят бока у загнанного зверя, а собачий лай терзал окрестности на много миль вокруг. Теперь иная тактика. Флажки уже не красные, а синие. Но что с того? Все равно флажки. Ими огородили часть леса, и мы там живем. А охотники превратились в типичных надзирателей. Им так тоже удобнее. Не надо тратить нервы и силы на утомительную и не всегда удачную охоту. В любое время можно прийти и отобрать нужное количество дичи. Спокойно, легко и просто. И мы уступаем – без боя, без малейшего взрыкивания. Мы признали над собой хозяев.

Мы рабы. Нас так не называют, это грубо звучит. Но кой-какие мозги у нас всё же имеются, чтобы понимать это. С раба нет спроса. За всё в ответе хозяин. Он же, кстати, обеспечивает пусть мелкий и паршивый, но стабильный паек. И в нас притупляются инстинкты, глохнет чутьё, дряхлеют мышцы, слабеют глаза... Зачем нам всё это? Зачем, если можно – на халяву?

Мы вырождаемся. Это заметно по нашим детям. Они слабые, чахлые, как былинки. Они третье, четвертое... мы сбились со счета какое поколение, с рождения вбирающее в себя нехитрую рабскую премудрость. С молоком матери её всасывающее. Это уже не волчата, а агнята: их гонят на бойню, они боятся, упираются, отчаянно мекают, но

тупо идут куда велено... Наши разве что не мекают. Но это дело недалекого будущего. Объявится в биологии новый вид – волк-баран бляющий...

Смешно? Если бы. Мы разучились смеяться. И скалиться тоже. Мы вообще отвыкли клыки обнажать, кроме как чтоб вонзить их в перезрелое мясо, от щедрот хозяйских перепадающее. Мы себя не узнаём... Да нам не с чем сравнивать – мы забыли, что было с нами раньше. У нас атрофировалась память за ненадобностью. Зачем память рабам?

Лишь иногда мелькнут обрывки смутных то ли воспоминаний, то ли (чур меня!) фантазий... Но они мигом улетучиваются, не находя применения, не встречая опоры. Они не нужны нам. Мы стали существами иного порядка. И нам его не изменить. Это выше наших сил. Хуже – наших желаний. Мы н е х о т и м ничего менять. Нам хорошо здесь – в страхе, в мерзких условиях, на маленьком огороженном пятачке. Нам хорошо. Мы не хотим менять хоть что-нибудь.

Про человечка

Жил-был человек. Он жил в доме, который больше походил на хлев, потому что человек не любил убираться. А дом ещё был большой и очень старый, он человеку в наследство от добрых родственников достался.

Друзья и знакомые, заходя к нему, головами качали:

– Как ты только можешь жить здесь! – И советовали прибраться, переехать куда-нибудь или хотя бы нанять домработницу.

Человек кивал, соглашался, клялся с понедельника начать новую жизнь, но всё оставалось по-прежнему. Постепенно человек разуверился, что из этого выйдет что-нибудь путное. Теперь он отвечал примерно так:

– Не ваше собачье дело! – Или еще что-нибудь, такое же грубое.

А человек-то этот был не урод какой и не шизик, и как всем нормальным людям хотелось ему жить в нормальном доме и иметь хорошую зарплату. Зарплата, правда, у него и так была неплохая, но вечно её не хватало. Потому что как только заимеет в кармане деньги, сей же час пойдёт и всё спустит. Что называется, растаторит. А он не мог – чтоб не спустить. Обязательно пойдёт и какую-нибудь девушку в ресторан пригласит. Наговорит ей там всякого: и симпатичная-то она, и милая, и мужики штабелями перед ней будут укладываться, – а вот про любовь не говорил. Никогда. И девушки если пытались сами про любовь заговаривать, он серьёзно так в глаза посмотрит и скажет:

– А вот этого не надо, потому что я тебя не люблю. Любовь ты ещё

свою найдёшь, а между нами кроме секса ничего быть не может. Это я тебе сразу говорю, чтоб не мучилась.

Некоторые обижались, обзывали его нехорошими словами и дверями хлопали, но большей частью такой подход понимание находил. И то сказать – побывав у него дома да полюбовавшись на несказанный бардак, жутко делалось при одной мысли, что здесь придется хозяйничать. К примеру, половник человечку приходилось искать под диваном, а потом отряхивать от пыли и паутины. А зимние сапоги в разгар лета могли стоять на бритвенном шкафчике в ванной, рискуя свалиться хозяину на мыльную физиономию. Примерно раз в неделю, когда хозяин добирался-таки до бритвенного станка.

Как ни странно, при этом человечку нравилось по барахолкам шастать и покупать разную ерунду. Чаще всего – штаны. Штаны у него скапливались всех расцветок и фирм, мыслимых и немыслимых фасонов. Но они быстро ему надоедали, он их складировал и шёл покупать новые. А когда куча становилась совсем уж необъятной, утаскивал её в детдом, и всё начиналось сызнова.

Любил человек не только штаны, но и то, что в штанах, и с девушками, как уже было сказано, гулял напропалую. Если девушку подцепить не удавалось – на сей случай у него была припасена порнуха в больших количествах. Так что ночку-другую он вполне мог обойтись и без девушки.

И еще страсть у него была – еда. Даже не еда, наверное, а жратва – по-другому это не назовешь. Шел человек в супермаркет, нагружался там по самые уши: и колбасы накупит, и пельменей, и целую кучу салатиков корейских, сникерс ещё прихватит у кассы – принесёт всё это домой и начнет уминать. Даже не разувшись, так в ботинках в комнату ввалится и первым делом на печку кастрюлю для пельменей. А сам тем временем на диван (это в ботинках-то), рядом – авоську с продуктами. Запустит руку в сумку, что выудит оттуда – то и есть примется. И неважно, если, скажем, после морковки по-корейски подвернется банановое желе. У него даже поноса не бывало – настолько желудок к мешанине привык.

Как он жрал – смотреть было противно. Совсем не то, что где-нибудь в приличном обществе. Хватал еду обеими руками, спешно заталкивал в рот, глотал, толком не прожевавши, и тянулся за новой порцией. Всё сожрав, блаженно отдувался и заваливался на свой многострадальный диван, ногой запихнув под него тарелки. И книжку из-под подушки выуживал.

Под подушкой у человечка могло обретаться что угодно, от Достоевского до Донцовой, он особой разницы между ними не видел. Ему герои – любые – живыми представлялись, он на них ворчал, злился, радовался, если у них что-то получалось – ну как со своими друзьями себя вёл. И с кино так же было. До него как будто не доходило, что искусство условно. Что книжка – это чёрные буквы печатные на белом листе, а

кино – его даже потрогать нельзя, это вообще картинка, а делали её люди, которые, может, совсем и не такие, как их герои. А у человечка не было дележа на реаль и вымысел, у него всё перемешалось в один большой пёстрый клубок.

Кто его знает, этого человечка. Может, его кто в подворотне кирпичом по башке огрел, да неудачно. А похоже на то, потому что он временами такие штуки выдавал, что в нормальную голову вряд ли явятся. Где-нибудь в компании поднимут политическую тему, и пошли дебаты: кто за демократию, а кто кричит, что порядок только при железной руке был и будет. А человечек послушает, плечиками пожмёт и выскажется:

– Да какая разница-то? Я хоть на рабовладельческий строй согласен. Человек – он какой есть, так и будет себя вести, при любой политике. Хоть Путин будь сверху, хоть Годунов. Это очень маленькую роль играет, а вы с жаром таким спорите...

У человечка вообще амбиции были недюжинные, он хотел как-нибудь так сделать, чтобы все люди понимали простые вещи. Потому что это самые трудные вещи для понимания оказываются почему-то. Но он не знал, как это сделать, а ещё он думал, что сперва надо бы со своим колхозом разобраться, а это ему всё никак не удавалось. Наоборот, только ещё больше всё запутывалось, и человечек уже всерьёз не верил, что ему на этом свете удастся что-нибудь.

А ещё у человечка любовь была несчастная, точнее, неразделенная. Он влюбился как-то странно: шёл себе по двору, камушки пинал, и ни с того ни с сего приспичило голову поднять. А на балконе второго этажа стояла девушка и курила. Потом руку с сигаретой опустила, а сама загляделась куда-то вдаль, и такая стала грустная-грустная... Может, потому, что никакой дали с балкона видно не было, а только облезлая трёхэтажка, чахлый тополь да чей-то немый «мерс». А может, вовсе не поэтому. Только стояла она долго, так что догорела сигарета. Девушка её резко выбросила и ушла. А человечек всё стоял, задрал голову, и глядел на опустевший балкон. Он ещё ни у кого такой грусти не видел.

Девушку он эту знал, в одном дворе жили. Она с родителями жила, работала в какой-то фирме навороченной и, по всему видать, хорошо заколачивала. Может, поэтому пыталась быть такой крутой и независимой, но не всегда это получалось.

Ну вот, человечек в неё и влюбился. И ведь поди же ты – форменный донжуан, а тут куда-то всё подевалось. Словечком не обмолвился. Тут, правда, закавыка такая была: девушка-то эта с местным дворником ходила. Дворники, они обычно грубые и пьяные, и этот не был исключением. И все удивлялись: чего она с ним ходит. А человечек думал, что, наверное, она нашла в дворнике что-то, чего не могли дать красивые и обеспеченные мужчины, и не навязывался ей со своей любовью.

Вот так он и жил. А как-то раз возвращался домой, таща по своему обыкновению авоську с продуктами и предвкушая, как он это всё сейчас уплетать будет. Заходит он в комнату и видит: у окна стоит какой-то тип в чёрном плаще. Человечек решил, что это забрался вор, и хотел было тихо-тихо выйти и позвонить в милицию, то бишь в полицию. Незнакомец-то к нему спиной стоял. Человечек сделал было шаг назад, но забыл, что в руках авоська. Что-то в ней брякнуло, от неожиданности он разжал пальцы – и содержимое сумки со страшным грохотом рухнуло на пол.

Тип у окна повернулся, почему-то медленно, совсем непохоже на грабителя. Закутался поплотнее в свой чёрный плащ, скрестил руки на груди и со вздохом спросил:

– Ну и что мне с тобой делать?

Человечек обалдел от такой наглости. В собственном доме спрашивают, что делать с хозяином! Это уже не лезет даже в амбарные ворота. Он сердито ответил:

– Это я тебе хочу задать такой вопрос. А заодно – кто ты и какого чёрта делаешь в моём доме?

Наглый тип недобро прищурился:

– Не слишком ли много вопросов?.. – Неизвестно зачем рубанул ладонью воздух и резко сказал: – Я – твоя совесть.

И тут стены заходили ходуном, что-то где-то забрякало, с потолка отвалился и рухнул вниз огромный кус штукатурки. Люстра затряслась, и на ней сами по себе замигали лампочки. Человечек подождал, пока всё это кончится, и спросил:

– Разве спецэффекты из арсенала совести? Этим обычно маги балуются... И... и неужели у меня такая грязная совесть? Что ты весь в чёрном...

Он замолчал и с надеждой уставился на странного гостя, как будто тот сию секунду его опровергнет. А он и впрямь опроверг:

– Да нет, я не чёрный. Вот именно, что я не знаю, какой я! И какой ты... Я уже замучился эту загадку проклятую решать.

Вздыхнул и сполз на пол, прислонился к батарее. И тоже в свою очередь на человечка уставился.

– С одной стороны глянь – скотина ты полная. Что свинью, что кобеля иного на аршин вперёд переплюнул. А с другой стороны – малый ты добрый и понимающий, мало таких. Вот и не пойму: кто ты на самом деле-то? Впечатление такое, что два разных человека, а не один. Может, тебя пополам разорвать, а? Нам обоим проще будет... Да не делай ты страшных глаз! Ты лучше на себя посмотри сначала!..

Человечек послушно опустил глаза и посмотрел на себя. И ойкнул. С него куда-то пропала вся одежда, стоял он голый. Да вдобавок ни с того ни с сего ноги стали покрываться чёрной жёсткой шерстью, паленым завоняло. Бац – уже не ступни, а копыта. Хорошенькие такие раздвоенные

копытца, грязью почему-то измазанные.

Человечек охнул и кинулся к зеркалу – посмотреть, а не выросло ли у него рогов и ещё чего мерзкого. Зеркало отразило два беленьких крылышка, они выглядывали из-за плеч как сиротинушки. А ещё на бегу под ногами, то есть под копытами, болталась какая-то веревка. Человечек с удивлением сообразил, что это хвост. Длинный такой и абсолютно гладкий, только на самом кончике торчит мохнатая кисточка, почему-то зелёная.

Он развернулся и заорал:

– Что всё это значит?!

Мужик-совесть ещё плотнее запахнулся в свой плащ, как будто мёрз, а между тем он сидел у батареи, и вообще в доме тепло было. Ответил устало:

– Это то, что в твоей душе творится. К чему стремился, чего желал, что имеешь в итоге.

И закрыл глаза. А человечек оглянулся на свои крылья. Они оказались большими, до колен доходили. Белые, как барашки на волнах, и пахло от них океанской свежестью. От шерсти же на ногах упорно несло палёным, и это всё вместе образовывало такое амбре, что человечек расчихался. А потом плюхнулся в кресло и стал думать: что же это за буза такая с ним приключилась?

«Стремилась ввысь душа твоя – родишься вновь с мечтою», – припомнились ему слышанные в дикой давности строчки. «Значит, крылья – это и есть душа, то есть что она вообще имеется, и не дохлая, а крылатая и такая... в общем, хорошая, наверное.» Он с опаской потрогал крылышки. Мягко. Перевёл взгляд на обросшие ноги и расстроился. «А какой толк с этой души, если ей всё равно ходу нету? Если всё равно победит желание нажраться, натрахаться, лечь и ничего не делать, разве книжку при этом почитать. И гори всё вокруг хоть синим, хоть зелёным в крапинку пламенем. Какие уж тут выси!.. Кстати, а что там дальше-то? Про корыто вроде... Или про свинью у корыта...» Человечек заёрзал в кресле, вспоминая. Перекинул на колени хвост и стал теребить кисточку. «Но если жил ты как свинья – останешься свиньёю.» Вспомнил-таки. И подпрыгнул, будто кресло внезапно превратилось в электрический стул и током шибануло.

Человечек заходил по комнате. Он спотыкался о валявшиеся тут и там вещи, раскатившиеся продукты – он же их так и не собрал. А в мозгу настойчиво молоточками стучало: «Жил ты как свинья...» «Ну да, так я и жил. Меня это иногда бесило, а иногда нравилось. Нравилось, наверное, чаще. Дак и кто же я тогда? Как там – «останешься свиньёю»? А душа тогда как же, да еще с крылышками? По-любому у скота её быть не может. Интересно, а хороший человек может быть скотиной? Тьфу, чертовщина какая-то... Ну и что мне теперь делать-то – последовать умному совету и напололам разорваться?»

Он повернулся к советчику и рот уже открыл, чтоб высказаться на полную катушку, как тот проговорил, не открывая глаз:

– «Розу белую с чёрной жабой я хотел на земле повенчать...»

«Тьфу, и этого на стихи потянуло», – с ненавистью подумал человек, но решил подождать ругаться: ведь кому-то же это идиотское венчание зачем-то понадобилось. Вдруг он там для себя тоже выход отыщет.

– Нет, ну я понимаю. Берём жабу, – небрежный взмах руки, и на журнальный столик вспрыгивает жаба, опрокинув вчерашний кофе. Самая доподлинная: пучешарая и с бородавками. – Мерзкую, скользкую жабу, всю пропахшую болотной тиной. Добавляем розу, – снова взмах, и с потолка валится упомянутый цветок. – Нежную-белоснежную, едва распустившуюся. Всовываем эту розу в жабью лапу. – На столике именно это и происходит. Совесть вскакивает и кричит: – Нет, ну это я понимаю! Оригинально. Заманчиво. Наконец, на чей-то извращённый вкус, красиво. Но это соединение двух разных фигур! Понимаешь – двух! Их спокойно можно разъединить, – жаба и роза отлетают в разные углы, – и всё, и каждая будет говорить сама за себя. Но когда всё это в одном существе, слышишь – в одном!.. Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик... Ну это просто невыносимо, я не знаю, что тогда делать. А должен знать! Обязан. Мне это по должности полагается.

– А мне плевать на твою должность, – разозлился человек. – Я тоже не знаю, что тут делать! Если я вот такой уродился, что меня и вверх и вниз тянет. Я хочу – вверх, прыгаю, лезу, коленки обдираю, а всё идет по принципу: шаг вперед и пять назад. А если удаётся взгромоздиться на мало-мальскую верхушку – мне там мигом надоедает, я уже хочу обратно, к родному корыту. Я к нему и возвращаюсь... и всё начинается по новой. Какой-то дурацкий замкнутый круг.

– К вам можно?..

Человек ругнулся – он ведь, оказывается, даже дверь не запер, проходной двор к чертям собачьим, а не дом! Развернулся и остолбенел: на пороге стояла девушка, в которую он влюбился.

Вот так и стоял столбом фонарным какое-то время, но тут до него дошло, что вид у него, мягко говоря, не самый привычный. Да чего там – он же голый! Физически и душевно, всё скопом, вот же гадость! Чем прикрывают душу, человек не знал, а вот какую-никакую тряпку поискал глазами, и как назло ничего подходящего не было. Но тут он заметил собственный хвост и решил, что мохнатой кисточки хватит, чтобы прикрыть самый интим, а большего вообще-то и не требовалось.

А девушка тем временем заметила мужика в чёрном, почему-то смутилась и заговорила сбивчиво:

– Ой, у вас гости... Я только хотела сказать, что собрание жилищной компании... я помешала, я не знала... пригласить хотела...

Запуталась, смутилась окончательно и повернулась уходить.

Человечек живо возразил:

– Нет-нет, останься, здесь не такие уж важности. Мы... это... в общем, к спектаклю репетируем, – добавил он, желая хоть как-то объяснить свой идиотский вид.

Девушка обрадовалась:

– Ух ты! К спектаклю... А к какому? А кого играете? И какие замечательные реквизиты, – она подошла и потрогала крылья. – Прямо как настоящие. Так кого играете-то?

– Себя любимого, – ухмыльнулась нахальная совесть. – Красавица, веще у тебя сердце: крылья настоящие. И всё прочее тоже. Впрочем, легко догадаться, когда любишь...

Дошло не сразу. Когда дошло, человек решил, что ослышался, – ну такой долбаный день, что уже глюки поперли, – а девушка закричала:

– Вы... чёрт возьми, откуда вы знаете?! Вы что, ясновидец? Да я точно вас пришибу сейчас!..

И вот она остановилась посреди комнаты, такая вся покрасневшаяся, а странный тип всё сильнее кутается в свой плащ и отвечает:

– Я хуже ясновидца. От меня вообще ничего нельзя скрыть, работа такая. Я совесть. Вон его. А могу побыть и твоей!

Человечек ойкает. А девушка стоит и не понимает ровным счетом ни черта. Тогда совесть говорит ей:

– Да иди в зеркало глянься.

Она и глянула. И тоже ойкнула. У неё выросли рожки, маленькие такие, слегка загнутые – в общем, симпатичные. Одежда вся пропала, только откуда-то взялась длинная белая юбка. И по всей юбке разбросаны сердечки. Также маленькие, разноцветные, горят-переливаются. А туловище облито чем-то чёрным и блестящим, как будто она в негритянку превратилась. Только руки остались прежними.

Она поворачивается растерянная, а совесть мрачно чеканит:

– Основа души твоей светлая. Но ты умудрилась натаскать на неё всякой пакости. Карьера тебя испортила: грызёшься с конкурентами, вкалываешь за одни бабки, для души ни грамулечки... Зависти много к удачливым. Но любить умеешь, это тебя и выручает. Попробуй – может, и теперь выручит.

Девушка ошарашенно на человечка глянула:

– Это всё правда...

А тот тоже на неё глядел и думал, что не знал про её карьеризм, а сейчас узнал, и всё равно любит. Он пытался не пялиться на её блестящую грудь, но выходило плохо. Она так и не прикрылась – может, забыла, а может, вовсе не хотела. Да и нечем было, не стоять же все время со скрещёнными руками.

Девушка спросила:

– А вас тоже разобрали по косточкам? Что значат ваши крылья и хвост?

И человек ей ответил, и ещё они очень быстро перешли на «ты», а потом девушка привычным жестом полезла в карман – а кармана не было, и сигарет тоже. Тогда мужик-совесть подал ей откуда-то взявшуюся сигарету и щёлкнул зажигалкой, как галантный кавалер.

Она закурила и сказала:

– Мне нравится такая обстановка. Что все вещи лежат не там, где должны, а как попало. Я вообще люблю вещи не по прямому назначению использовать, а как-нибудь ещё. Постоянно сижу на столе вместо стула, любимая одежда – это полотенце большое махровое... Дома, конечно. В общем, люблю что-нибудь эдакое... А меня за это ругают...

Человечек медленно проговорил:

– Первый раз о моём доме хорошо отзываются...

Но тут вмешалась совесть:

– Вы так и будете болты болтать на пустом месте? Вы решайте, думайте, выход ищите! Пробуйте, на что способны – это же не просто финтифлюшечки на вас красивые, это возможности ваши!

Человечек начал соображать: возможности... Ну какие возможности дает хвост?! Обмахиваться им, как лошадь? Нет уж, ничего он хвостом делать не будет!

Крылья... А вот с крыльями все ясно: они для того, чтобы летать.

И он попытался взлететь. А потом ещё раз. И ещё. Он чувствовал свои крылья, как они бились, рвались вверх... Ему казалось, что он уже давно летит – по огромным просторам неба, и можно потрогать облака и поболтать с пролетающими ангелочками... Но главное – полёт, чувство свободы безграничной и счастья, большого-большого. Сейчас, ещё одно усилие... Какая-то тяжесть в ногах мешает, висит камнем, упорно тянет вниз на грязный пол. С небес на землю во всех смыслах.

Человечку удалось оторваться где-то на полметра, как он рухнул обратно всем весом. И даже не заметил ушибов: так обидно было. Такой облом, да ещё при девушке. Думал, она смеяться будет. Не стала, только руку протянула: вставай, мол. Он и встал, а когда хотел шагнуть – не получилось. Копыта в пол вросли – намертво. Человечек начал дёргаться, пытаться ноги выдернуть – бесполезно. Как в цементе застывшем стоял.

Девушка это увидела и закричала мужику:

– А ну освободите его немедленно!

Тот плечами пожал:

– Я-то причём? Значит, у него низменные желания сильнее оказались... А я ничего не могу сделать, только факт констатировать. Ты себя лучше испробуй.

Легко сказать! А что тут пробовать-то? Вот рога: что они значат? Скорей всего, что этот тип постоянно будет ей рога наставлять – он же вечно по девкам шарашится, как ни глянь – каждый раз с новой идёт... Мерзко, а что сделаешь, если он такой бабник. Но это ерунда, лишь бы... Что «лишь бы» – девушка даже не стала додумывать, а уставилась на

свою юбку. Издевается этот гад – «возможности»! Но тут у неё на глазах ткань зашевелилась, как будто это был шлейф на королевском платье. Шлейф этот изогнулся, и девушку оторвало от земли, в смысле от пола. И она пошла по воздуху.

А потом решила повыше подняться – и тут ей рёбра как обручами сдавило: вздохнуть невозможно, сердце по-дикому заколотилось, и в довершение всего она грохнулась. Больно... и мерзко сознавать, что возможности твои кончились не начавшись, потому что, похоже, много на душе нехорошего, раз давит и не пускает.

Человечек перевёл это примерно также. А девушка тем временем увидела розу, отброшенную совестью, и обрадовалась:

– Ой, какая чудесная... Что ж она на полу-то валяется, – сдула с нее пыль и к лицу прижала.

– Не советую этого делать, – процедила совесть.

– Почему? Ой!...

На колени к девушке вспрыгнула жаба. Громко квакнула и глаза выпучила, хотя куда уж больше-то.

– Вот поэтому. Это цветок не простой, он в паре с этой лягушечкой. Захочешь одного взять – тут же второй появится.

– Стойте! Стойте! – перебил человечек. Все к нему обернулись, а он взволнованный такой: – Неправильно всё это! Всё, чем тут занимаемся. Мы выяснять пытаемся, чего в нас больше: хорошего или мерзкого, но мы ж не звери и не ангелы, чтоб что-то одно было. Мы ж люди! А в человеке всё смешано и... Главное – как именно смешано! Как соединено...

Он хотел сказать «и где», но не сказал. Потому что получалась какая-то пошлятина: до пояса черт, выше – ангел, а соединяется это в одном человеке аккуратно посередке... И он внезапно почувствовал, что ноги освободились.

А девушка его слушала, потом жабу с колен стряхнула, розу тоже бросила, подошла, его обняла и говорит совести:

– А по-моему, надо попытки засчитывать, даже если неудачные. Я вот курю – паршиво, конечно, но я бросить стараюсь... Главное – стремиться всё-таки, на месте не стоять.

Человечку опять припомнилось: «Стремилась ввысь душа твоя...» Он улыбнулся и тоже обнял девушку. Наверное, они хорошо вместе смотрелись. Потому что мужик-совесть засмотрелся на них и не заметил, как разошелся на нём плащ, который он так упорно запахивал. А они дружно ахнули: под чёрным плащом оказался белый костюм! Белая рубашка, и штаны тоже белые. Только пояс на них зелёный почему-то.

Мужик расхохотался:

– Ну и ушлые же вы, черти! Совесть и ту вокруг пальца обвели!..

– Ничего мы не обводили, – перебила девушка. – У нас всё было по-честному! И вообще, я вру только по делу.

– А я вообще не вру, – добавил человечек. – Смысла не вижу.

– Ладно, вы мне вот что скажите, – говорит совесть. – Вы правда друг дружку любите?

Объятья разжались. Человечек помялся, а потом сказал: «Я люблю». А девушка рассмеялась:

– Да я уж давно это поняла!.. Как ни столкнёмся, ты на меня так глаза пялишь... и тут же их отводишь и пройти побыстрее стараешься. Бревно и то догадается.

Человечек смутился: вон как, у него всё на лбу написано... Или это у всех влюблённых так? Потом спросил: «А ты?..»

– Я... Ну... В общем, я тоже в тебя влюбилась. Знаешь, зачем я пришла-то сегодня? Собрание – это так, отмазка, никакого собрания нет... Я... – она замолчала, а потом резко выдохнула: – Я соблазнить тебя пришла, вот! Потому что я не могу уже так...

И тут сердечки на её юбке ожили, задвигались, усеяли и живот, и грудь, и на руки налипли. Их целая куча, а они всё не убывают – перекинулись к человечку и его тоже укрыли с головы до пят. Вот они уже как две новогодние ёлки, все в сердечках.

Совесть что-то пробормотала под нос про третьего лишнего, а вслух заявила:

– Ну раз так, то любите, стремитесь, что хотите делайте – а я убираюсь. Не очень надолго, как-нибудь ещё загляну. Может, тогда от вас толку больше будет, то двоих-то.

Бац – и вот уже никакой совести в чёрном плаще и белой одежде нет, только дым густой повалил. А когда он развеялся – оказалось, что все рога-крылья пропали, и стоят в комнате обычные мужчина и женщина. Голые – так и не вернул одежду, мерзавец!

Человечек метнулся в спальню, схватил пододеяльник и замотался него. Девушка укуталась в простынь. И вот они так стояли, как древние римляне в тогах. Потом девушка спросила:

– Ты заметил – пояс у него был зелёный? Как твой хвостик, – хихикнула она. – Интересно, к чему бы это?

– К тому, что это был наш выход, – ответил человечек. – Мы не по белому и не по чёрному прошли, а посередке. А середина оказалась тонкой, как жёрдочка, и зелёной... Я только одного не пойму: какого чёрта мы нацепили эти тряпки?!

Оглавление

Про Красную Шапочку: как оно всё было на самом деле ...	4
В зоопарке	21
Жалоба волков	24
Про человечка	25

Тираж 50 экз.